

**University of
Zurich**^{UZH}

**Zurich Open Repository and
Archive**

University of Zurich
University Library
Strickhofstrasse 39
CH-8057 Zurich
www.zora.uzh.ch

Year: 2011

Zametki ob ,ostal'gii' v Germanii

Hofmann, Tatjana

Posted at the Zurich Open Repository and Archive, University of Zurich
ZORA URL: <https://doi.org/10.5167/uzh-81414>
Scientific Publication in Electronic Form

Originally published at:
Hofmann, Tatjana (2011). *Zametki ob ,ostal'gii' v Germanii*. Russia: Zhurnalnyj zal.

Опубликовано в журнале:

[«Вестник Европы» 2011, №30](#)

Татьяна Хофманн

Заметки об «остальгии» в Германии

Заметки об «остальгии» в Германии

Татьяна Хофманн

Почти как у Киплинга: двадцать лет прошло уже после объединения Германии, а Восток остается Востоком.

На странице www.ossiladen.de сегодня легко заказать не только флаги ГДР и Советского Союза, но и такие ностальгические продукты социалистического пищевого прома, как сгущенное молоко или леденцы-барбариски. Продолжает выходить коммунистическая газета «Новая Германия», на своих местах остаются кладбища советских красноармейцев и памятники немецким антифашистам. Не только фрагменты Берлинской стены, бывшие контрольно-пропускные пункты и тюрьмы, превращенные в музеи, но даже знаменитые часы на Александерплац в Берлине, зачем-то позволявшие людям знать точное время во всех мировых столицах, постоянно напоминают о недавнем прошлом Восточной Германии.

Ностальгия по этому прошлому, так называемая «остальгия» (от нем. *Ost(en)* — *восток*), для одних сделалась навязчивой идеей, другим показалась неплохим средством поддержать региональную экономику, третьим дала повод для усмешки, самоиронии и рефлексии. Государственный праздник 3 октября — День объединения Германии — сегодня мало кто празднует, кроме интуристов в берлинских дискотеках. Традиция гордиться нацией не воскресла, разве что ослабела традиция стыдиться своего прошлого.

Через двадцать лет после разрушения Берлинской стены и воссоединения Германии на всевозможных юбилейных выставках и в научных сборниках для описания случившегося чаще всего применяется нейтрально окрашенное определение «мирная революция». При этом делается упор на воспитательный момент и всячески подчеркивается репрессивный характер политического режима в ГДР.

Потсдамский историк Мартин Сабров недавно собрал и издал антологию «Памятные места в ГДР», где попытался отразить более широкий круг мнений и воссоздать более разносторонний ландшафт исторической памяти. В нее вошло полсотни статей известных историков, социологов и видных политических деятелей прошлого. По сути, это очередной аналог «Памятных мест» историка Пьера Нора, который в начале 1980-х искал важнейшие символы французской нации в общественном сознании: географические пункты, события, личности, произведения искусства. Похожая попытка в Германии предпринималась Хагеном Шульце и Этьеном Франсуа, выпустившими в 2001 году «Немецкие памятные места». В антологии Саброва одно из таких мест — это восточноберлинский район Панков, где во времена ГДР «панками» и не пахло. Здесь обитала партийная номенклатура и деятели официального искусства. Здесь и сегодня живут такие писатели, как Криста Вольф, Фолькер Браун и Христоф Хайн, сохраняют свои названия улицы Маяковского и Чайковского, а респектабельность здешних зданий и отсутствие иностранцев привлекают сюда семьи с хорошим доходом и странной убежденностью, что маленьких детей следует отправлять в детские сады уже в годовалом возрасте, для их скорейшей и безболезненной адаптации в коллективе. Этим детям уже не придется учиться русскому языку, который в восточноберлинских школах почти исчез из программ, и о недавнем социалистическом прошлом они будут узнавать не столько на уроках и организованных воспитателями экскурсиях, сколько из рассказов родителей.

Ельке Шерстяной в статье “Вспоминая ГДР” (УТОPIE kreativ, № 204, октябрь 2007) утверждает, что история ГДР будет горячо обсуждаться немцами еще лет двадцать, пока не станет достоянием культурной памяти, как то произошло с памятью времен нацизма. Для ускорения этого процесса специально созданная комиссия историков рекомендует органам государственного управления учредить “учебные и мемориальные центры повседневного опыта диктатуры”. Е. Шерстяной считает, что подобные учреждения приобретут обвинительный уклон и сосредоточатся исключительно на опыте жертв диктатуры, игнорируя все прочие аспекты общественно-политической, экономической и культурной жизни. В бурных дискуссиях непримиримых оппонентов вопрос ставится ребром: была ли ГДР “тюрьмой штати” или же “идиллией садовых гномиков”? Народная “остальгия” в этом вопросе решительно расходится с официально-пропагандистским и научно-историческим подходами к изучению и интерпретациям немецкого послевоенного периода.

Вот одиозный пример. Для оформления дрезденской выставки “20 лет мирной революции: Дрезден`89 — начало демократии” были сооружены картонные стены с колючей проволокой наверху, чтобы любому посетителю, проходящему между ними, с ходу становилось ясно, что это было и куда он попал. И это в Дрездене — вдали от угрюмой Берлинской стены, в одном из красивейших городов мира с богатейшим культурно-историческим наследием, где даже при социализме производились отдельные товары класса “люкс” (в том числе знаменитые кондитерские изделия), и напомиравшем тюрьму или концлагерь только в больном воображении кураторов выставки.

Художественных произведений, в которых ГДР — тема и место действия, не так уж мало, но они редко пока становятся предметом культурной рефлексии. Куда чаще они служат для публики развлечением, о чем свидетельствует успех фильма “Гудбай, Ленин!” (2003, реж. Вольфганг Беккер) и экранизации юмористического романа Томаса Бруссига “Солнечная аллея” (1999, реж. Леандер Хаусманн).

Как альтернатива развлечению возникла мода на документальное повествование и мемуары. Сбежавшая из ГДР певица Нина Хаген стала первым общенемецким панком, шокировавшим партийную номенклатуру Восточной и буржуазию Западной Германии. Целью побега, по ее словам, являлся не столько сытый Запад, сколько поиск Бога. Книга “Исповедь” писалась певицей как попытка разговора с Христом, что в результате привело Хаген к крещению в 2009 году. В ней она утверждает, что сбежала от замкнутости, убожества и скуки социалистического образа жизни. Хотя в последнее не очень-то верится, когда читаешь о регулярных поездках молодой эстрадной звезды на курорты Балтики, о ее близости с певцом-диссидентом и продолжателем творчества Бертольта Брехта — Вольфом Бирманом, об употреблении наркотиков и т. п. Причем скудный быт в ГДР певица сравнивает не с суровым бытом в других социалистических странах, но исключительно с бытом западных соседей, что само по себе весьма симптоматично.

Отрадное явление — проведенная 15-16 мая 2009 года в Бремене конференция “Творчество после переворота. Воссоединенная Германия в зеркале литературы и кино”. На ней обсуждались, в частности: поэтика воспоминания в цикле рассказов Инго Шульце “Новые жизни”; распад времени в поэзии Дурса Грюнбайна; национальная идентичность в юмористическом романе Йоахима Лоттманна “Немецкое единство”; утопия интеллектуально свободной Германии в “Саду на Севере” Михаеля Клеесберга, а также новые жизненные реалии в “Комнатном фонтане” Йенса Шпаршу, уже включенном в школьные программы.

Самым весомым и, если считать по количеству полученных премий, лучшим романом, описывающим социалистический эксперимент в Германии, признается “Башня” Уве Теллькампа, изданная в 2008 году издательством Зюркампа. Автор родом из Дрездена, не был ни сторонником, ни противником режима, сегодня живет на юго-западе Германии. Главным героем его многопланового романа является город Дрезден. И хотя Теллькамп, на первый взгляд, строго придерживается топографии “Флоренции на Эльбе” (как дрезденцы нежно и гордо называют свой город), он встраивает в свое повествование сюрреалистические элементы: перебрасывает мосты, где их не было и нет, заводит читателя по знакомым улицам в тупик. Как видно из откликов на роман, даже сами дрезденцы не сразу разобрались, что автор водит их за нос; что

это не бытовой роман, а нечто другое.

Дрезден и его окрестности при социализме получили прозвище “долина незнающих” — из-за отсутствия приема западного телевидения и, соответственно, невозможности сравнить с тем, как все могло бы быть. В романе “Башня” присутствует эта тема островной изоляции, но без перебора и без юношеской робинзоновской экзотики. В художественной форме автор анализирует разные факторы прекращения существования ГДР, такие как перегруженный аппарат государственного управления и подавления, “социальная культура организованной безответственности”, техническая отсталость, ведущая к экологическим катастрофам, и замкнутость, чреватая стагнацией.

В роли рассказчиков выступают три обитателя дрезденского квартала Лошвитц-Белый Олень — района вилл и особняков, где предпочитала селиться местная интеллигенция. На без малого тысяче страниц описываются последние семь лет перед падением Берлинской стены и воссоединением Германии и жизненные перипетии сотен персонажей из всех слоев общества, увиденные глазами рассказчиков. Молодой человек хочет стать врачом, но должен отслужить положенный срок в армии, его отец теряет пристижное положение в медицинской академии, а работающий в издательстве дядя описывает в своем дневнике перипетии дрезденской культурной жизни. Время словно застыло и прокручивается на одном месте, как на “треснувшей грампластинке”, откуда неотвратно приближается 9 ноября 1989 года. Во второй половине “Башни” реализм в стиле буржуазных романов XIX века переходит в разновидность критического реализма, вскрывающего проблемы в экономике, социальной инфраструктуре, образовании, вооруженных силах. Повествование оживляют гротескные эпизоды — такие как чтение по ночам Пруста в качестве принудительного труда. В целом “Башня” построена из смонтированных частей, подобно мозаике, временами дающей выход очередному потоку сознания (похожий конструктивный принцип Теллькамп использовал и в рассказе “Сон в часах”, получившем в 2004 году премию Ингеборг Бахманн, одну из самых престижных в Германии). Из первой части романа — “Педагогическая провинция” — можно сделать вывод, что ГДР исчезла частично сама по себе, а частично с помощью протестантов, активистов и интеллектуалов, большинство из которых являлись оппортунистами. Дрезден предстает и центром оппортунизма, то есть привязанности к прошлому, и символом переворота, то есть протестных демонстраций. Вторую часть — “Гравитацию” — можно истолковать как подспудное стремление ГДР к самоликвидации и возвращению к нормальной исторической жизни. Социализм, таким образом, сбрасывается с “парохода современности”, как балласт и ненужный хлам.

Исторические перемены являются главной темой лирического романа Дженни Эрпенбек “Heimsuchung”, изданном в 2008 году берлинским издательством Айхборн. Название его переводится как “Визит домой” или “Поиск дома”. В нем рассказывается история владельцев дома у озера в Бранденбурге под Берлином. Запутанное переплетение двенадцати биографий, историй и судеб от начала 1920-х до начала 1990-х годов, когда дом возвращается в руки наследников бывших еврейских владельцев. Попутно маклер предлагает его купить туристам и инвесторам.

Вся история Германии XX века беспристрастно отражается писательницей, выросшей в очень похожем доме в ГДР. Она разыскала его бывших владельцев по всему миру, нашла и скрупулезно изучила сохранившиеся документы, чтобы освободиться, наконец, от наваждения — от поработившей ее ретроспективной утопии своего детства, где люди — заложники истории, а дом — явление природы.

Насильно втиснутое в дом время символизирует одна из главных героинь, жена архитектора, прятая в конце войны в платяном шкафу. Она смеялась много и часто, пишет Эрпенбек, пока в 1945-м не стала жертвой обнаружившего ее в шкафу красноармейца. Мотив изнасилования немецких женщин в капитулировавшей Германии — ход беспроигрышный, но, как писала “Франкфуртская общая газета”, эта безвкусная политическая порнография выглядит самой слабой сценой романа (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 23.02.2008,

№. 46).

В конце концов дом сравнивают с землей — прошлое уничтожается, на том же месте начинается новое строительство. Или строительство нового?

По крайней мере, старое залатано.

Восток сегодня прячется за отремонтированными и вылизанными фасадами опустевших восточнонемецких городов и городишек, оставшихся без молодежи, погрязших в безработице, локальном патриотизме и неприязни к ЕС. Он заявляет о себе в готовности голосовать за правые партии — особенно в Саксонии и вечно красивом Дрездене. Он по-прежнему слышится в Берлине, где типично берлинский говор — безошибочный индикатор восточноберлинской пролетарской ориентации. Этот Восток не вписался в новый западный мир и не растворился в нем бесследно. Его следы можно обнаружить, стоит только присмотреться, почувствовать. Другой Восток можно найти в Интернете и на красочных упаковках выставок, в фильмах, книжках, автобиографиях. Но порой кажется, что между этими двумя “Востоками” — реально существовавшим и товарно-рекламным — вырастает невидимая стена, а иногда, наоборот, что их уже не различить.

© 1996 - 2013 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)

AdChoices

[â— Desktop Wallpaper](#)

[â— Computers Desktop](#)

[â— Desktop PCS](#)

[â— Desktop Monitors](#)